

29504

~~№ 90~~

~~1872~~

~~3/11~~
~~90~~

~~288 ²/₂₃~~

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

30-го Августа 1872 года.

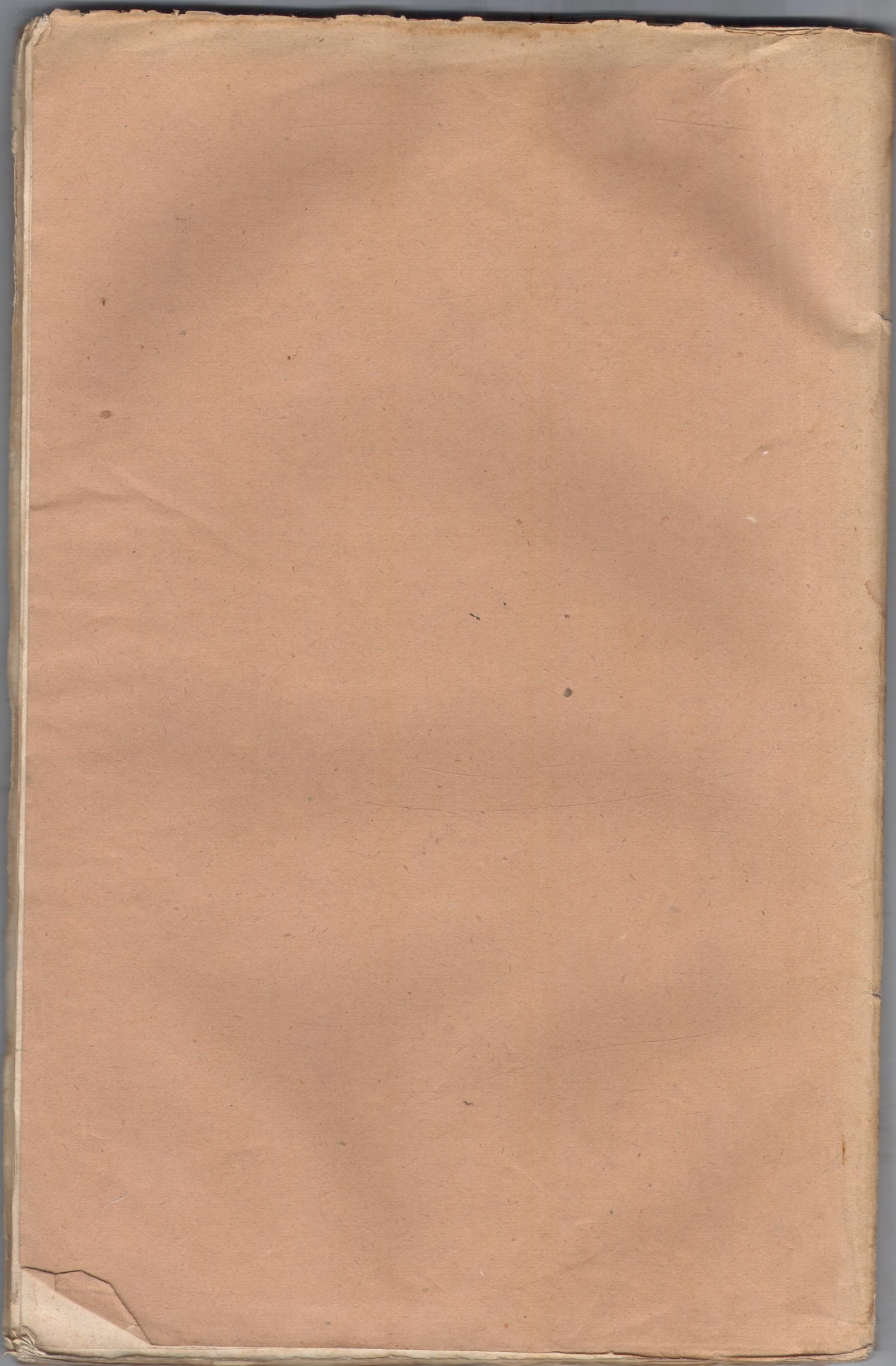

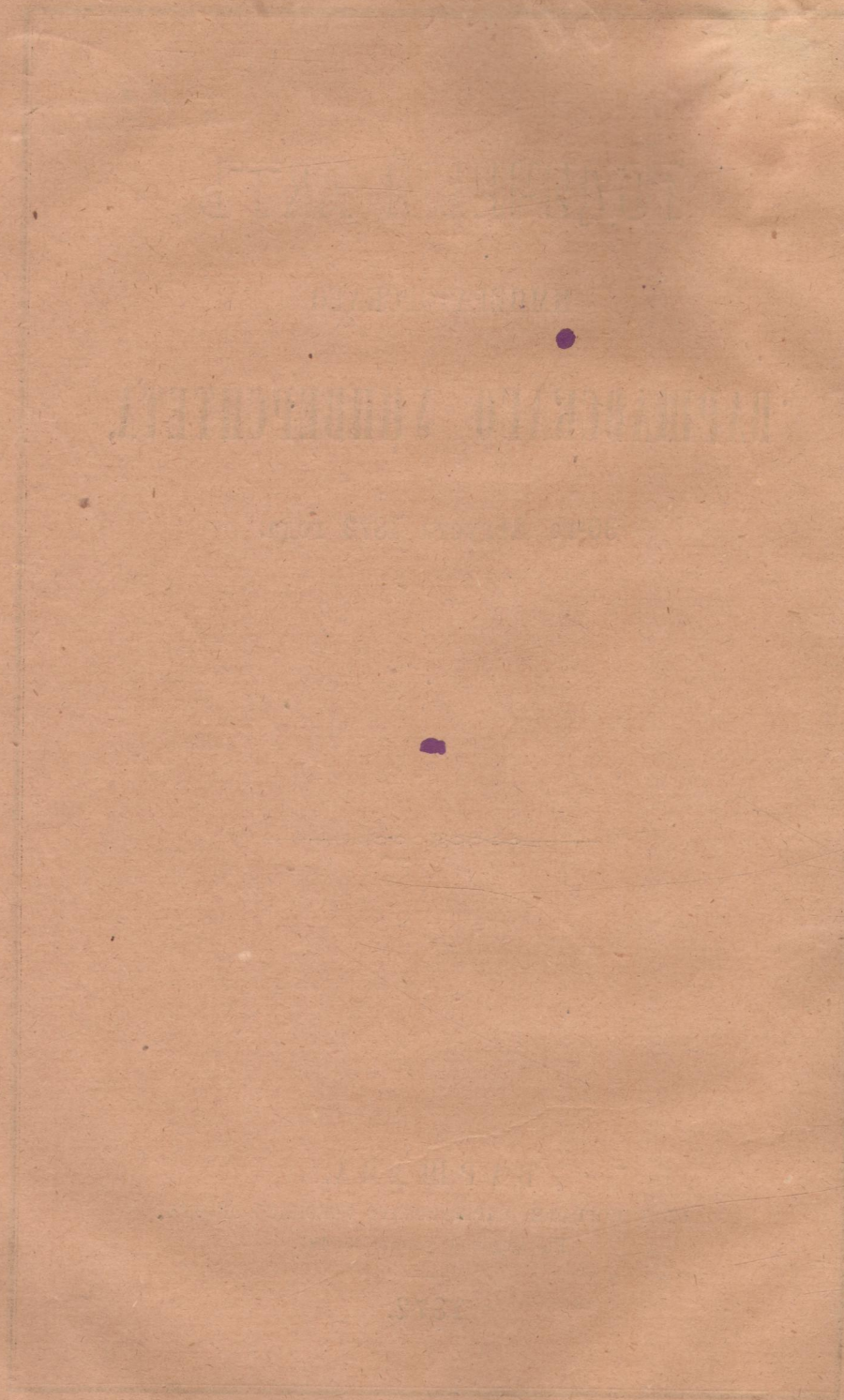
ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОБРУТА.

На Медовой улицѣ № 487.

1872.

~~З. М.
60.~~

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

30-го Августа 1872 года.

40562

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Інв. № _____

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА
На Медовой улицѣ № 487.

1872.

Проверено
Ц. Б. 1939

ЦНБ ХНУ ім. В.Н. Каразіна
2010 р.

582 2000

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Уни-
верситета.

Ректоръ П. Лаеровскій.

Третій годи́чний актъ Императорскаго Варшавскаго Университета происходилъ 30 августа 1872 г., въ присутствіи г. Помощника Главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, Ген.-Адъютанта, Барона Э. А. Рамзая, Его Высокопреосвященства, Архіепископа Варшавскаго и Новогеоргіевскаго Іоаннікія, г. Попечителя Учебнаго округа и многочисленной публики.

Актъ начался молитвою „Царю Небесный“, пропѣтою архіерейскими пѣвчими.

За тѣмъ послѣдовало чтеніе: 1) профессоромъ *Струве* — рѣчи: „Отличительныя черты философіи и ихъ значеніе, въ сравненіи съ другими науками“; 2) проф. *Люперсольскимъ* — краткаго отчета о состояніи и дѣятельности Университета за истекшій академическій годъ. Послѣ того г. ректоръ Университета обратился къ присутствующей публикѣ со словами, въ которыхъ указалъ на результаты, достигнутыя Университетомъ за истекшій трехлѣтній періодъ его существованія — со времени основанія. Рѣчь и отчетъ, равно какъ и слова, сказанныя г. ректоромъ, напечатаны въ настоящей брошюрѣ.

Торжество окончилось пѣніемъ гимна: „Боже Царя Храни!“

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ

ФИЛОСОФИИ

И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ, ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ДРУГИМИ НАУКАМИ.

(Рѣчь проф. СТРУВЕ).

ВВЕДЕНІЕ.

Мм. Гг.

1. Пользуясь даннымъ мнѣ правомъ публичнаго слова въ нынѣшній торжественный для нашего Университета день, я хотѣлъ-бы обратить вниманіе моихъ достопочтенныхъ слушателей на предметъ, который съ одной стороны соотвѣтствовалъ-бы моимъ спеціальнымъ занятіямъ при Университетѣ, а съ другой находился-бы въ связи съ общими задачами и стремленіями умственной жизни подобнаго учрежденія.

Идея университетовъ основывается главнымъ образомъ на идеѣ о единствѣ всѣхъ наукъ, на ясномъ сознаніи необходимости связать всѣ разнородныя науки въ одно органическое цѣлое, чтобы при такомъ взаимномъ вспоможеніи и пополненіи наукъ легче и вѣрнѣе достигнуть общей всѣмъ имъ цѣли: познанія доступной для человѣка истины. Подобной идеѣ Университета ничто такъ сильно противодѣйствовать не можетъ, какъ изолированіе какой-бы то ни

было специальной науки отъ ея общей связи съ остальными; при всей специализаціи, необходимой для основательной разработки каждой отдѣльной науки, всѣ онѣ должны сохранять и развивать въ нѣдрахъ своихъ сознаніе ихъ общаго происхожденія, ихъ внутренней связи, наконецъ ихъ общихъ стремленій къ разрѣшенію задачъ, возможному лишь при совокупномъ дѣйствіи всѣхъ наукъ.

Къ сожалѣнію эта идея единства уступаетъ все болѣе и болѣе идеѣ специализаціи, раздѣленія труда и частныхъ интересовъ; такъ что университеты, вмѣсто того, чтобы служить образцомъ дружескаго союза всѣхъ наукъ между собою, становятся нерѣдко поприщемъ междоусобной ихъ борьбы, борьбы часто за свое существованіе, ибо, какъ извѣстно, бывали и бывають случаи, въ которыхъ однѣ науки отказывали другимъ въ научномъ значеніи и даже въ правѣ называться науками.

2. Въ виду подобныхъ фактовъ вовсе не излишенъ вопросъ: какимъ образомъ слѣдуетъ поддерживать въ университетахъ сознаніе единства всѣхъ наукъ? какимъ образомъ укрѣпить и развить универсальный въ научномъ отношеніи характеръ университетовъ?

Въ настоящую минуту я не намѣренъ разбирать подробно этого вопроса и доказывать, что онъ можетъ быть вполне разрѣшенъ лишь такою организаціею университетовъ, въ которой факультеты, въ научномъ отношеніи, находились-бы въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ въ настоящее время, когда они соединяются на общихъ совѣщаніяхъ только для разсмотрѣнія вопросовъ, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ ихъ настоящимъ научнымъ задачамъ. Разрѣшеніе вышеприведеннаго вопроса съ этой точки зрѣнія вызвало-бы насъ къ совершенно специальному изслѣдованію. И потому скажу только, что всѣ университеты сохранили обычай, который главнымъ образомъ основывается на сознаніи единства всѣхъ наукъ и который потому и долженъ служить главнымъ средствомъ для укрѣпленія и развитія этого сознанія. Я имѣю въ виду тотъ обычай, ради котораго Вы, Мм. Гг., собрались въ настоящій день, обычай ежегоднаго торжественнаго празднованія основанія университета публичнымъ засѣданіемъ и рѣчами. Въ эти-то дни соединяются дружески всѣ факультеты, не для разрѣшенія того или другаго специального вопроса, но для торжественнаго воспоминанія о своемъ общемъ происхожденіи, о своихъ общихъ задачахъ и стрем-

леніяхъ. Въ такіе-то дни и рѣчи, произнесенныя представителями разныхъ специальныхъ наукъ, могли-бы не мало содѣйствовать благодатному развитію общей идеи университетовъ, если онѣ поставили-бы себѣ задачей не монографическое изслѣдованіе какого нибудь спеціальнаго вопроса, но представленіе основныхъ началъ данной науки въ сравненіи съ другими науками и въ отношеніи къ идеѣ о наукѣ вообще.

Э. Съ этой-то цѣлью, Мм. Гг., я хотѣлъ нынѣ обратить Ваше вниманіе на вопросъ объ отношеніи философіи къ другимъ наукамъ. Но такъ какъ всестороннее изученіе этого вопроса переходитъ границы даже и самой длинной рѣчи, то я ограничилъ свою задачу лишь *изученіемъ отличительныхъ сторонъ философіи и ихъ значенія въ сравненіи съ другими науками*. На основаніи яснаго и точнаго пониманія тѣхъ свойствъ, которыми философія отличается отъ другихъ наукъ, не трудно будетъ каждому внимательному слушателю убѣдиться въ тѣсной связи, существующей между всѣми науками, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить вопросъ: въ какомъ отношеніи находится философія къ другимъ наукамъ? на сколько она нуждается въ ихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ и на сколько съ своей стороны пополняетъ оныя?

I. Предварительная неопредѣленность предмета философіи и невозможность ограниченія его какою либо спеціальностью.

4. Философія, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ тѣмъ наукамъ, которыя въ наше время пользуются особеннымъ сочувствіемъ; она разрабатывается лишь нѣкоторыми самостоятельными мыслителями и привлекаетъ къ себѣ только очень скудное число истинно даровитыхъ умовъ. Главный интересъ сихъ послѣднихъ направляется къ достиженію цѣлей, не имѣющихъ непосредственной связи съ задачами и стремленіями философіи. И хотя въ наше время, болѣе чѣмъ когда либо, никто изъ мыслящихъ и научно образованныхъ людей не отрѣкается отъ своего общечеловѣческаго права самостоятельно разсуждать и *философствовать* о предметахъ, возбуждающихъ его мышленіе; хотя всѣ безъ исключенія даровитые умы, при всемъ стремленіи къ спеціализаціи, свойственномъ нашему времени, не могутъ подавить своихъ болѣе общихъ и универсальныхъ

стремлений, и невольно подвергаются имъ, проявляя почти на каждомъ шагѣ извѣстнаго рода общее міровоззрѣніе, составляющее или основаніе или результатъ ихъ спеціальныхъ изысканій; тѣмъ не менѣе однако философія, какъ наука, никогда не подвергалась большимъ упрекамъ, большому презрѣнію и пренебреженію, какъ именно въ наше время.

Главный упрекъ, дѣлаемый философіи ея противниками, состоитъ въ томъ, что она не имѣетъ никакого спеціального предмета, изслѣдованіе котораго составляло-бы отличительную черту философіи въ сравненіи съ другими науками.

„Философія не имѣетъ ясно опредѣленнаго и всѣми признаннаго предмета“—говорятъ многіе спеціалисты, „да, можно сказать еще больше, она не имѣетъ *никакого* самостоятельнаго предмета, ибо все, что только можетъ быть предметомъ человѣческаго знанія, изучается спеціальными науками, съ такою точностью и въ такихъ размѣрахъ, что для философіи не остается ничего болѣе дѣлать, какъ группировать и сопоставлять въ одно цѣлое результаты этихъ наукъ. Въ началѣ умственнаго развитія, когда еще не было спеціальныхъ наукъ, философія имѣла извѣстное значеніе, какъ подготовленіе къ научному изслѣдованію разнородныхъ предметовъ; но въ настоящее время, при столь быстромъ и успѣшномъ развитіи спеціальныхъ наукъ, философія осталась безъ предмета и потому не можетъ быть признана особою, самостоятельною наукою.“

Другіе идутъ еще далѣе, и утверждаютъ, что философія даже и вредитъ умственному развитію человѣка; что она отвлекаетъ мысль отъ точныхъ, спеціальныхъ изысканій и направляетъ оную къ безполезнымъ отвлеченнымъ и фантастическимъ разсужденіямъ.

Этотъ-то парадоксальный фактъ, что спеціалисты, философствующие о философіи, возстаютъ противъ нея, заслуживаетъ серьезнаго вниманія какъ спеціалистовъ такъ и философовъ. Спеціалисты должны предложить себѣ вопросъ: можно-ли *философствовать* о философіи *безъ* философіи? можно-ли смотрѣть на свѣтъ и въ то-же время отказывать глазу въ возможности зрѣнія? Философы-же должны дать себѣ ясный отчетъ въ причинахъ презрительнаго мнѣнія спеціалистовъ о философіи и по возможности устранить оныя.

Въ самомъ дѣлѣ мы должны сознаться въ томъ, что предметъ философіи неопредѣленъ точно; сами философы не согласуются меж-

ду собою относительно вопросов: что такое философія? къ чему стремится она? что составляетъ ея главную, настоящую задачу, отличающую ее отъ другихъ наукъ? какія спеціальныя философскія задачи истекаютъ изъ ея сущности? и т. д. Равнымъ образомъ не рѣшенъ еще окончательно и вопросъ о методѣ философіи: должна ли она развивать свои воззрѣнія изъ однихъ отвлеченныхъ приемовъ разума и, какъ паукъ, изъ самой себя выпрясть свою паутину, или-же, по пресловутому индуктивному методу, какъ пчела, искать вѣсь себя матеріала для своихъ произведеній? Та-же самая неопредѣленность и то-же самое несогласіе повторяются во всѣхъ спеціальныхъ философскихъ наукахъ. Философы до сихъ поръ не согласились еще относительно главнаго предмета логики, метафизики, психологіи, эстетики, этики; сколько разныхъ философскихъ системъ, столько разныхъ опредѣленій этихъ наукъ. О разногласіи воззрѣній на философію и философскія науки, существующемъ между диллетантами по философіи и специалистами по другимъ наукамъ, мы уже и не говоримъ.

Все это такъ; и никто изъ знающихъ философію не можетъ оспаривать вышесказаннаго. Но вопросъ въ томъ: даетъ-ли все это кому-либо право ставить философію ниже спеціальныхъ наукъ, въ которыхъ не встрѣчается подобной неопредѣленности, подобнаго разногласія относительно существенныхъ для нихъ вопросовъ?

Если мы докажемъ, что неопредѣленность предмета философіи, невозможность ограниченія его какою-либо спеціальностью, истекаетъ изъ сущности философіи, а разногласіе философовъ относительно ея коренныхъ задачъ не исключаетъ единства въ общемъ характерѣ всѣхъ философскихъ стремленій, то, кажется, не представится удивительнымъ, что мы дойдемъ и до совершенно иныхъ заключеній.

5. Не смотря на самыя разнородныя опредѣленія философіи, встрѣчаемыя въ исторіи этой науки, философствованіе каждаго истиннаго мыслителя обнаруживаетъ два коренные момента: во 1-хъ *самостоятельность мышленія* и во 2-хъ *стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія*.

Гдѣ нѣтъ этихъ двухъ моментовъ, тамъ нѣтъ и философіи; гдѣ они существуютъ и дѣйствуютъ, тамъ она и возникаетъ и развивается; они составляютъ коренныя черты философіи, отличающія

ее существенно отъ всѣхъ другихъ наукъ, какъ это будетъ ближе объяснено вполѣдствіи.

Изъ этого кореннаго характера философіи, общаго всѣмъ философскимъ стремленіямъ, истекаетъ непосредственно предварительная неопредѣленность какъ ея предмета, такъ и всего хода ея изысканій.

6. Какъ стремленіе *самостоятельнаго* мышленія, философія, естественнымъ образомъ не можетъ основываться ни на какихъ предварительныхъ положеніяхъ и взглядахъ, которыя почерпнуты были-бы безъ критики изъ готоваго матеріала исторіи. Самостоятельность ея предоставляетъ каждому философствующему уму право, при образованіи міровоззрѣнія, обращать свое вниманіе преимущественно на *тѣ* предметы и вопросы, которые особенно возбуждаютъ его мышленіе, и изслѣдовать именно *тѣ* стороны общаго бытія, которыя по его убѣжденію служатъ необходимымъ основаніемъ для разрѣшенія главныхъ задачъ философіи. А такъ какъ интересъ, возбуждающій философское мышленіе, различенъ, смотря по разности индивидуумовъ и временъ, и останавливаетъ вниманіе мыслителей на разныхъ предметахъ; то естественно, что изъ этой разности философскихъ интересовъ возникаютъ какъ разные опредѣленія предмета философіи, такъ и разные направленія въ изслѣдованіи и познаніи этого предмета.

И такъ умъ однихъ философовъ особенно пораженъ вопросомъ о началѣ и первыхъ причинахъ всего существующаго. „Откуда происходитъ міръ и его явленія? вслѣдствіе чего онъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ есть?“ спрашиваютъ они, и утверждаютъ, что всѣ другія загадки бытія могутъ быть разрѣшены лишь только на основаніи разрѣшенія этого кореннаго вопроса. Естественно, что эти мыслители главную задачу философіи полагаютъ въ изученіи приведенныхъ вопросовъ, и опредѣляютъ философію какъ науку о началѣ и первыхъ причинахъ всего сущаго.

Другіе, напротивъ, болѣе равнодушны относительно этого вопроса о первыхъ причинахъ міра; они признаютъ его или неразрѣшимымъ или излишнимъ, а вмѣсто того указываютъ на человѣка и его практическую дѣятельность, какъ на главный предметъ истинно философскихъ изслѣдованій. „Кто я? къ чему я живу? какая цѣль, какое назначеніе моего существованія? какъ я долженъ дѣйствовать, какъ устроить свою жизнь, чтобы достичь этой цѣли?“ — вотъ

вопросы, которые привлекают весь философскій интерес подобныхъ мыслителей, и потому они и признаютъ главною задачею философіи разрѣшеніе приведенныхъ вопросовъ.

Еще другіе при философствованіи обращаютъ свое вниманіе главнымъ образомъ на самый философствующій умъ; они убѣждены, что первоначальнымъ основаніемъ и источникомъ всякаго истиннаго міровоззрѣнія служитъ прежде всего самый мыслящій духъ чловѣка, разумъ съ его разнородными прирожденными и приобрѣтенными законами и стремленіями; а вслѣдствіе того они и требуютъ отъ философіи, чтобы она главнымъ образомъ занялась изслѣдованіемъ чловѣческаго разума и всестороннимъ объясненіемъ его законовъ и стремленій.

Философія не была-бы плодомъ *самостоятельнаго* мышленія, если-бы она не заключала въ себѣ возможности такого разнообразія въ опредѣленіи ея предмета, если-бы она ограничивала изслѣдованія философствующаго ума какимъ-либо законченнымъ, традиціональнымъ или эмпирическимъ понятіемъ о своемъ предметѣ. Опредѣленіе философіи не принимается философами какъ готовый, извнѣ получаемый матеріалъ, которому они подчиняются безъ всякой предварительной критики, какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ другихъ наукахъ—напротивъ философія по существу своему требуетъ, чтобы и самое обозначеніе ея предмета было результатомъ предварительнаго разсмотрѣнія, результатомъ *самостоятельнаго* мышленія и философствованія.

То-же самое слѣдуетъ сказать и относительно опредѣленія настоящаго метода философіи и всего развитія ея изысканій.

Но устранимъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякую возможность недоразумѣній. Во 1-хъ: *Самостоятельность*, о которой мы говоримъ, не *произволь*, ибо она ограничивается какъ законами философствующаго ума, такъ и натурою предмета, возбуждающаго дѣйствіе мышленія. Во 2-хъ: говоря о *самостоятельности* философскаго мышленія, мы еще ни въ чемъ не разрѣшаемъ вопроса о надлежащемъ методѣ и развитіи философіи; въ особенности-же не думаемъ безъ критики принять за начало философіи того приема, что она должна основываться исключительно на дѣйствіи разума и изъ него одного почерпнуть свое содержаніе. Все это вопросы, требующіе особаго изслѣдованія. Здѣсь-же мы указываемъ на *самостоятельность* фи-

лософскаго мышленія лишь только какъ на коренное требованіе всякой философіи: не принимать никакихъ положеній, даже относительно самого предмета и метода философіи, безъ предварительнаго, всесторонняго и критическаго разбора содержанія этихъ положеній.

7. Кромѣ вышеприведенной основной причины предварительной неопредѣленности предмета философіи, существуетъ еще другая причина, заключающаяся во второй изъ характеристическихъ сторонъ философіи, именно въ ея стремленіи къ образованію общаго міровоззрѣнія.

Не смотря на самыя разнородныя исходныя точки и на самыя разнородныя направленія философскихъ изслѣдованій, философы всѣхъ временъ имѣли однако въ виду главнымъ образомъ образованіе общаго міровоззрѣнія, т. е. воззрѣнія на основанія, внутреннюю связь и устройство всего существующаго. И даже тѣ изъ нихъ, которые къ концу своихъ изслѣдованій доходили до болѣе или менѣе скептическаго результата: что умъ челоѣка неспособенъ познать сущности предметовъ и образовать полнаго и при томъ вѣрнаго міровоззрѣнія — и тѣ философы, говорю, первоначально имѣли въ виду такое общее міровоззрѣніе, и только послѣ критическаго сознанія невозможности осуществить эту цѣль съ положительною точностью, они отказываются отъ нея; но все-же они къ концу концовъ доходятъ равнымъ образомъ до извѣстнаго міровоззрѣнія, — если не положительнаго, позитивнаго, то по крайней мѣрѣ отрицательнаго, негативнаго.

И такъ, ежели философія по существу своему стремится къ образованію общаго міровоззрѣнія, къ познанію всего существующаго, въ его общихъ началахъ и основаніяхъ, — то изъ этого естественнымъ образомъ истекаетъ то, что ея изслѣдованія не могутъ быть ограничены никакимъ спеціальнымъ предметомъ; что нельзя указать на то или другое эмпирическое явленіе, какъ на исключительный предметъ философіи. Такое ограниченіе противно было-бы основнымъ стремленіямъ самой философіи, и потому требовать его отъ философіи можетъ лишь только тотъ, который не имѣетъ яснаго понятія о ея существенныхъ свойствахъ.

Философія по существу своему есть наука общая, всеобнимающая, универсальная, и этимъ именно отличается отъ всѣхъ осталь-

ныхъ наукъ, которыя имѣютъ всегда характеръ спеціальный, ограниченный изслѣдованіемъ извѣстнаго точно опредѣленнаго предмета. И потому, какъ нельзя требовать отъ спеціальныхъ наукъ, чтобы онѣ, на основаніи своихъ спеціальныхъ изслѣдованій, образовали общій взглядъ на міръ, принимали универсальный характеръ; такъ, равнымъ образомъ, нельзя требовать отъ философіи, чтобы она задавалась спеціальными вопросами, не имѣющими непосредственной связи съ ея основною задачею, состоящею въ разработкѣ общаго міровоззрѣнія. Имѣя прежде всего въ виду сіе послѣднее, она занимается главнымъ образомъ такими изслѣдованіями, которыя способствуютъ къ разъясненію вопроса объ общемъ на міръ воззрѣніи. Нѣтъ сомнѣнія, что для этой цѣли необходимы и спеціальныя знанія, что нельзя и толковать о мірѣ и его основаніяхъ, не принимая во вниманіе спеціальныхъ изслѣдованій его разнородныхъ явленій, и не основываясь на ихъ результатахъ. Но эти спеціальныя знанія составляютъ не цѣль философскихъ стремленій, — какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ остальныхъ наукахъ — но лишь только *пособіе* и *средство* для достиженія совсѣмъ другихъ цѣлей. Слѣдовательно упрекать философію въ томъ, что у ней нѣтъ никакого *спеціального* предмета и требовать, чтобы она указала на такой спеціальный предметъ, ежели хочетъ быть признана самостоятельною наукою, значило-бы требовать, чтобы она отказалась отъ своей главной и основной цѣли, и посвятила себя лишь изученію своихъ пособій и средствъ, т. е. чтобы она средство поставила выше самой цѣли, что противно всякой разумной дѣятельности.

Однимъ словомъ, предварительная неопредѣленность предмета философіи и невозможность ограниченія его какою-либо спеціальностью истекаетъ изъ самой сущности ея, и потому не можетъ быть поставлена ей въ вину, — если только философія въ состояніи доказать, что ея существенные признаки и свойства, изъ которыхъ истекаетъ подобная неопредѣленность, имѣютъ сами по себѣ научное значеніе и проявляютъ собою исполнѣ правильныя стремленія, равно полезныя какъ и необходимыя для полнаго разрѣшенія основныхъ задачъ науки, т. е. для усвоенія человѣческимъ умомъ доступной для него истины.

На этотъ послѣдній моментъ мы должны именно теперь и обратить наше вниманіе, разбирая подробно вышеприведенные суще-

ственные признаки философіи, т. е. какъ философскую самостоятельность мышленія, такъ и стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія, и спрашивалъ, въ чемъ именно обнаруживаются эти отличительныя черты философіи и въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ стремленіямъ и задачамъ всѣхъ другихъ наукъ?

II. Самостоятельность философскаго мышленія, въ сравненіи съ другими науками.

8. Указывая на самостоятельность мышленія, какъ на первую отличительную черту философіи, мы приготовлены на возраженіе со стороны всѣхъ спеціальныхъ наукъ, что и онѣ, равно какъ и философія, требуютъ самостоятельнаго мышленія, что и ихъ задачи не могутъ быть разрѣшены надлежащимъ образомъ безъ подобнаго мышленія.

Что-же слѣдуетъ подразумѣвать подъ самостоятельнымъ мышленіемъ? Кажется, главнымъ образомъ, мышленіе *критическое*, не принимающее никакихъ положеній безъ предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ, безъ ихъ основательной оцѣнки и провѣрки. Тотъ долженъ быть признанъ *самостоятельнымъ* въ научномъ отношеніи, кто отдаетъ себѣ полный критическій отчетъ во всѣхъ признанныхъ имъ истинахъ; кто для подкрѣпленія своихъ положеній не нуждается въ чужомъ руководствѣ или въ какомъ нибудь внѣшнемъ авторитетѣ, но самъ собою, собственною умственною дѣятельностью и собственными знаніями, въ состояніи оправдать передъ всякимъ свое научное убѣжденіе.

И эта то самостоятельность мышленія, развѣ она не требуется и всѣми спеціальными науками? развѣ сіи послѣднія не даютъ себѣ яснаго отчета во всѣхъ своихъ положеніяхъ? развѣ онѣ признаютъ какое нибудь положеніе научнымъ, безъ предварительнаго критическаго анализа его содержанія? Какимъ-же образомъ философія, могутъ справедливо спросить спеціальныя науки, приписываетъ лишь одной себѣ критическую самостоятельность мышленія, какъ свою отличительную черту, въ сравненіи съ другими науками?

Это возраженіе заслуживаетъ полнаго вниманія и требуетъ ближайшаго опредѣленія самостоятельности философскаго мышленія. Слѣдовательно рождается вопросъ: въ чемъ именно состоитъ эта самостоятельность и какимъ образомъ она служитъ отличитель-

ною чертою философіи въ сравненіи съ другими науками? Что-бы дать ясный и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, начнемъ съ ближайшаго разбора самихъ спеціальныхъ наукъ.

1. Догматическій характеръ спеціальныхъ наукъ.

9. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ спеціальныя науки пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ самостоятельной критикою. Критика сдѣлалась, особенно въ послѣдніе десятки лѣтъ, признакомъ общенаучнымъ; каждая наука, по существу своему, требуетъ критики, и по общему сознанію научно-образованныхъ не заслуживала-бы этого имени, если-бы своихъ знаній не основывала на предварительной критикѣ, если-бы не противилась всѣмъ взглядамъ и теоріямъ, неимѣющимъ критическаго основанія.

Правда, есть явленія, которыя доказываютъ, что это критическое начало примѣняется не во всѣхъ наукахъ съ равною послѣдовательностью и строгостью; есть взгляды и теоріи, даже цѣлыя міровоззрѣнія, которыя, особенно въ наше время, выдаются за результатъ какихъ-то спеціальныхъ изслѣдованій, хотя безпристрастная критика никакъ не можетъ согласиться съ подобнымъ утвержденіемъ. Не слѣдуетъ-ли напр. сказать это о все болѣе и болѣе распространяющемся міровоззрѣніи матеріализма, ссылающагося на спеціальныя изслѣдованія естественныхъ наукъ, хотя сіи послѣднія сами по себѣ не имѣютъ ничего общаго съ матеріализмомъ, такъ какъ строго-научныя результаты ихъ согласуются болѣе съ ученіемъ о разумномъ и цѣлесообразномъ устройствѣ вселенной, нежели съ теоріею, производящею все существующее изъ неразумнаго начала.

Но подобнаго рода взгляды, обнаруживающіе недостатки въ критикѣ и послѣдовательномъ примѣненіи оной, мы встрѣчаемъ равнымъ образомъ довольно часто и въ самой философіи; слѣдовательно такія явленія не могутъ еще служить доказательствомъ, что философія въ правѣ назвать себя наукою критическою по преимуществу.

Разсматривая однако ближе критическіе приемы спеціальныхъ наукъ и степень ихъ примѣненія въ сихъ послѣднихъ, мы очень скоро убѣждаемся въ томъ, что всѣ спеціальныя науки основываютъ свои изслѣдованія на извѣстныхъ догматическихъ предположеніяхъ,

которыя въ самихъ этихъ наукахъ не подвергаются никакой критикѣ, но признаются истинными безъ предварительнаго разбора, какъ необходимыя аксіомы. Да, мы можемъ прямо сказать, что первоначальнымъ основаніемъ всѣхъ безъ исключенія специальныхъ наукъ служить извѣстнаго рода *догматическая вѣра* въ извѣстныя истины, не разбираемыя и не доказанныя этими науками, и что вся критика специальныхъ наукъ ограничивается этою первоначальною и основною догматическою вѣрою.

Это положеніе покажется, безъ сомнѣнія, многимъ специалистамъ, но крайней мѣрѣ, парадоксальнымъ, но въ доказательство его истины мы представимъ слѣдующіе факты.

10. Понятіе *догматической вѣры* есть понятіе, которое мы привыкли употреблять лишь въ одномъ *богословскомъ* значеніи; но въ сущности такое ограниченіе этого понятія не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ мы встрѣчаемъ и внѣ религіозной и богословской сферы разнородные способы мышленія, которые вполне заслуживаютъ этого же самаго названія. Догматическая вѣра въ сущности не что иное, какъ признаніе истиннымъ какого нибудь положенія, безъ его предварительнаго критическаго анализа, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія. Мы говоримъ о догматической вѣрѣ въ богословіи и религіи лишь потому, что большинство богослововъ и религіозныхъ людей признаютъ истинными извѣстныя религіозныя положенія и вѣрованія, безъ предварительнаго разбора оныхъ, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія, вслѣдствіе котораго эти положенія и вѣрованія являются имъ несомнѣнными и неоспоримыми. А потому, нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ полное право говорить о догматической вѣрѣ и внѣ богословія и религіи, вездѣ гдѣ только встрѣчаемъ подобное непосредственное убѣжденіе въ истинѣ извѣстныхъ положеній, не подвергающее ихъ содержанія ни малѣйшему сомнѣнію, хотя эта несомнѣнность вовсе и не основывается на предварительныхъ критическихъ доказательствахъ.

Въ этомъ то смыслѣ я утверждаю, что не одно богословіе, но и всѣ остальныя спеціальныя науки основываютъ свои изслѣдованія, даже и самыя критическія, на предварительной догматической вѣрѣ относительно своихъ первоначальныхъ основаній. Вотъ доказательство этого положенія.

11. Возьмемъ въ примѣръ *естественныя науки*, которыя по убѣжденію многихъ вѣрнѣе и несомнѣннѣе всѣхъ другихъ наукъ.

Предметъ естественныхъ наукъ *природа*. Но спрашиваютъ-ли естественныя науки: что такое природа? задаются-ли онѣ вопросомъ: изъ какихъ разнородныхъ умственныхъ элементовъ состоитъ это чрезвычайно сложное понятіе о *природѣ*? Никакъ нѣтъ; это дѣлали и дѣлаютъ натуръ-философы, которые, какъ извѣстно, не пользуются большимъ уваженіемъ у настоящихъ естествоиспытателей. Сии послѣдніе-же сами не разбираютъ понятія о *природѣ*, хотя на каждомъ шагу пользуются имъ въ совершенно опредѣленномъ и развитомъ смыслѣ.

Въ умѣ cadaго естествоиспытателя признается истиннымъ, безъ всякаго предварительнаго разбора, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія, то понятіе о природѣ, по которому она представляется ему какъ одно гармоническое цѣлое физическихъ явленій, подчиняющихся однимъ и тѣмъ-же общимъ неизмѣннымъ законамъ. Каждый естествоиспытатель убѣжденъ впередъ, до своихъ специальныхъ изслѣдованій, что въ природѣ нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ *противорѣчій*, что вездѣ во вселенной господствуютъ одни и тѣже общіе законы; что законы извѣстныхъ физическихъ явленій, изслѣдуемые на одномъ мѣстѣ, не могутъ никогда противорѣчить законамъ тѣхъ-же самыхъ явленій, наблюдаемыхъ на другомъ мѣстѣ. А ежели оказывается какое-нибудь противорѣчіе, то естествоиспытатель уже предварительно находится въ убѣжденіи, что это противорѣчіе не дѣйствительное, существующее въ самой природѣ; но что причиною его служатъ лишь недостатки при наблюденіи за этими явленіями, при познаніи разнородныхъ причинъ, вызывающихъ оныя и условій, въ которыхъ онѣ происходятъ. Дѣйствительнаго противорѣчія въ природѣ естествоиспытатель допустить не можетъ, иначе все его спеціальныя изслѣдованія подвергались-бы сами постояннымъ противорѣчіямъ и познаніе истины относительно природы сдѣлалось-бы невозможнымъ. Потому-то и естествоиспытатель безъ всякаго предварительнаго разбора, безъ всякой критики убѣжденъ, что природа составляетъ одно гармоническое цѣлое, исключающее всякую возможность противорѣчій.

Равнымъ образомъ природа имѣетъ для естествоиспытателя характеръ физическій, матеріальный; естествоиспытатели говорятъ

безпрестанно о силахъ и матеріи, о физическихъ процессахъ и явленіяхъ; но спрашиваютъ-ли они: что такое сила? что это матерія? какое содержаніе и значеніе этихъ понятій? въ какомъ отношеніи онѣ находятся между собою, равно и къ другому понятію, къ понятію о *духѣ*, противопоставляемому обыкновенно матеріи? Какую роль играетъ это понятіе о духѣ, о самодѣтельномъ и цѣлесообразно дѣйствующемъ существѣ, въ общемъ понятіи о природѣ? Можно-ли безъ всякой критики, ради какихъ-либо догматическихъ предположеній, исключить понятіе о духѣ изъ природы? и т. д. Все это вопросы, находящіеся въ тѣснѣйшей связи со всякимъ полнымъ критическимъ взглядомъ на природу, а между тѣмъ естественныя науки не разбираютъ всѣхъ этихъ вопросовъ критически, но основываются въ этомъ отношеніи или на извѣстныхъ традиціональныхъ и случайно господствующихъ взглядахъ, или-же на понятіяхъ, истекающихъ изъ однихъ прагматическихъ и методологическихъ соображеній, неимѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ и строго научнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ загадокъ, заключающихся въ этихъ вопросахъ.

Далѣе, естествоиспытатель убѣжденъ въ неизмѣнности законовъ природы и утверждаетъ, что законы эти, дѣйствующие въ природѣ въ настоящее время, дѣйствовали и въ прошедшемъ и будутъ неизмѣнно дѣйствовать и въ будущемъ. Измѣненію подвергаются лишь наши понятія о законахъ природы, но не самые законы. Не предполагая неизмѣнности законовъ природы, естествоиспытатель лишился-бы всякой возможности познать природу; онъ въ такомъ случаѣ не зналъ-бы, можетъ-ли онъ сегодня признать истинными и дѣйствительными тѣ законы, съ которыми онъ ознакомился вчера и т. д. По всему этому, уже ради самого познанія природы, онъ недопускаетъ возможности измѣненія законовъ ея.

Но, спрашиваемъ мы, какія доказательства приводятъ естественныя науки въ пользу своего предположенія о невозможности измѣненія законовъ природы? Задаются-ли онѣ вообще вопросомъ: возможна-ли или невозможна измѣняемость законовъ природы? Отнюдѣ нѣтъ; естествоиспытатели догматически, безъ всякихъ доказательствъ убѣждены, что законы природы неизмѣнны, и ихъ непосредственное убѣжденіе даже вовсе не нуждается въ подобныхъ доказательствахъ; они готовы признавать подобныя доказательства

вовсе излишними и назвать трудъ философовъ, разбирающихъ этотъ вопросъ, совсѣмъ напраснымъ и бесполезнымъ. Между тѣмъ это вовсе не такъ! Есть идеи и вопросы, которые волнуютъ умы миллионовъ людей, которые имѣли, имѣютъ и всегда будутъ имѣть самое важное и непосредственное вліяніе на все развитіе человѣчества, на его матеріальное и нравственное благосостояніе, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ тѣснѣйшей связи съ догматическимъ предположеніемъ естественныхъ наукъ о неизмѣнности и необходимости законовъ природы. Такими напр. являются идеи о Богѣ и Его отношеніи къ человѣчеству, о свободной волѣ и о всѣхъ нравственныхъ понятіяхъ, связанныхъ съ этими идеями. Ради догмата о неизмѣнности и необходимости законовъ природы, многіе естествоиспытатели охотно вытѣснили-бы изъ человѣчества догматъ о существованіи Бога, способнаго отмѣнить эти законы, смотря по своимъ соображеніямъ и цѣлямъ, равно догматъ о свободной волѣ и т. д. Но кто-же увѣритъ насъ, что догматъ естествознанія вѣрнѣе и несомнѣннѣе догмата богословія? Могутъ-ли естественныя науки строго научнымъ образомъ и критически доказать, что въ исторіи человѣчества никогда не происходили тѣ факты, на которые ссылается богословіе въ подтвержденіе своихъ воззрѣній? Нѣтъ, ни естествознаніе само по себѣ, ни въ связи съ самыми критическими изслѣдованіями исторіи, не сумѣютъ этого сдѣлать; ибо единственнымъ основаніемъ подобнаго доказательства служить предварительное, догматически принятое положеніе о неизмѣнности законовъ природы и о невозможности согласить приведенныхъ богословіемъ фактовъ съ этимъ положеніемъ. Но это положеніе именно должно быть доказано и потому не можетъ служить само себѣ основаніемъ. Оно въ сущности не что иное, какъ такой же догматъ, который отличается отъ богословскаго лишь своимъ содержаніемъ, но не достовѣрностью и несомнѣнностью онаго. Естествоиспытатель доходитъ до своего догмата о неизмѣнности и необходимости законовъ природы на основаніи такого-же непосредственнаго убѣжденія о его вѣрности и несомнѣнности, какъ богословъ до своихъ догматовъ. Оба основываютъ свои положенія не на предварительномъ критическомъ изслѣдованіи, но на одной догматической вѣрѣ. Для всѣхъ-же безпристрастныхъ, не имѣющихъ никакого непосредственнаго интереса защищать ни богословскихъ догматовъ, ни дог-

матовъ естествознанія, является необходимость *критическаго* анализа тѣхъ и другихъ, разбора какъ началъ и элементовъ этихъ догматическихъ предположеній, такъ и ихъ разнородныхъ выводовъ, чтобы такимъ образомъ убѣдиться критически, на которой сторонѣ истина.

Къ такому безпристрастному критическому анализу собственныхъ своихъ догматическихъ предположеній не способны ни богословіе ни естествознаніе, именно потому, что всѣ изслѣдованія каждой изъ этихъ наукъ основываются уже на этихъ предположеніяхъ и не могутъ освободиться отъ ихъ непосредственнаго вліянія. Ежели однако тѣмъ неменѣе кто-либо изъ богослововъ или естествоиспытателей возвысится до критическаго разбора своихъ собственныхъ догматическихъ предположеній, то онъ этимъ же самымъ покидаетъ уже предѣлы своей спеціальности и переходитъ на совершенно другую почву, именно на почву *философскую*.

Богословъ лишь до тѣхъ поръ богословъ, пока онъ всѣ свои изслѣдованія и весь свой образъ мышленія основываетъ на догматическихъ предположеніяхъ, дѣлаемыхъ его спеціальностью. Но онъ перестаетъ быть богословомъ и становится *философомъ* съ того момента, когда начинаетъ подвергать сомнѣнію свои догматическія предположенія и требовать критическихъ доказательствъ для того, чтобы признать ихъ истинными.

Равнымъ образомъ и естествоиспытатель находится лишь до тѣхъ поръ въ предѣлахъ своей спеціальности, пока его изслѣдованія основаны на извѣстныхъ, необходимыхъ для его науки догматическихъ предположеніяхъ, но онъ становится *философомъ*, принимаетъ характеръ презираемаго натуръ-философа, какъ только берется критиковать эти предположенія; когда напр. въ вышеприведенномъ случаѣ начинаетъ предлагать себѣ вопросъ: дѣйствительно ли въ природѣ нѣтъ никакихъ противорѣчій? неизмѣнны-ли въ самомъ дѣлѣ законы природы? подвергаются-ли они такъ называемой необходимости? на чемъ собственно основывается подобное убѣжденіе естествоиспытателей? имѣетъ-ли оно истинное критическое значеніе? что вообще слѣдуетъ подразумѣвать подъ понятіями о силахъ, законахъ и явленіяхъ, о неизмѣнности и необходимости, господствующихъ будто-бы въ матеріальной природѣ? что такое матерія? что духъ? какія свойства присущи имъ? чѣмъ эти понятія отличаются другъ отъ друга? и т. д. и т. д.

12. Все, что выше сказано было о богословіи и естествознаніи, относится и ко всѣмъ остальнымъ спеціальнымъ наукамъ.

Математика пользуется постоянно понятіями о пространствѣ и движеніи, о величинахъ и числахъ и т. д.; но она не разбираетъ критически ни происхожденія этихъ понятій въ человѣческомъ умѣ, ни ихъ достовѣрности и истины. Эти понятія являются необходимыми для развитія математики и это для нея совершенно достаточно, чтобы признать эти понятія истинными и принять ихъ въ основаніе всѣмъ дальнѣйшимъ спеціальнымъ разсужденіямъ. Если же кто изъ математиковъ разбираетъ самыя математическія предположенія и толкуетъ, какъ объ основныхъ элементахъ понятій пространства, движенія, величины и т. д., такъ и о достовѣрности этихъ понятій, — значитъ онъ оставилъ свои спеціальныя изслѣдованія и перешелъ къ вопросамъ общаго, универсальнаго характера, т. е. къ вопросамъ *философскимъ*.

Равнымъ образомъ всѣ *историческія науки* вмѣстѣ съ *филологіею* составляютъ разнородныя предположенія относительно своего предмета, которыя однако не подвергаются критическому разбору въ предѣлахъ ихъ спеціальности. Историкъ, какъ специалистъ, не подвергаетъ критикѣ своихъ идей о человѣчествѣ, его развитіи и назначеніи; онъ не разбираетъ ни вопроса: руководить-ли развитіемъ человѣчества божественное провидѣніе, или случай, или какая нибудь другая нравственная или физическая сила? ни вопросовъ: въ какихъ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ находятся между собою единица и среда, въ которой она развивается? какъ слѣдуетъ примирить идею о законахъ историческаго развитія человѣчества вообще съ идеею о свободной волѣ и самодѣятельности единицъ, необходимою для того, чтобы имѣть право сдѣлать ихъ отвѣтственными передъ судомъ исторіи? Всѣ эти и тому подобныя понятія, касающіяся какъ физической такъ и нравственной стороны человѣческаго быта, служатъ необходимымъ началомъ всѣхъ спеціальныхъ изслѣдованій историка; безъ этихъ понятій онъ не зналъ бы какъ взяться за изслѣдованіе своего предмета и не имѣлъ-бы ни малѣйшаго мѣрила для научной критики историческихъ явленій. Но всѣ эти понятія суть предположенія, которыя принимаются историкомъ-специалистомъ въ готовой и совершенно опредѣленной формѣ.

До этихъ понятій историкъ-специалистъ можетъ дойти лишь

двойнымъ путемъ: онѣ или являются въ немъ какъ результатъ какого нибудь непосредственнаго убѣжденія, какой либо догматической вѣры, какъ проблески генія, таланта, инстинкта, или-же онѣ почерпаются имъ изъ другихъ наукъ, особенно-же изъ *философiи*, которая разбираетъ всѣ эти понятія и вопросы критически. Естественно, что этотъ послѣдній случай вовсе не исключаетъ возможности, что историкъ *самостоятельнымъ* критическимъ путемъ дошелъ до всѣхъ этихъ понятій; но того онъ не дѣлаетъ какъ историкъ-специалистъ, но какъ *философъ*, и потому никто отъ историка-специалиста не требуетъ критическаго анализа всѣхъ предположеній, необходимыхъ для специальныхъ историческихъ изслѣдованій. Напротивъ, онъ можетъ быть превосходнымъ специалистомъ, хотя бы предположенія его науки и не были имъ самимъ самостоятельно и критически разработаны.

Наконецъ, и относительно всѣхъ *юридическихъ* и *экономическихъ* наукъ спора не будетъ въ томъ, что онѣ основываются на извѣстныхъ предположеніяхъ, на идеяхъ о правѣ и государствѣ, о необходимости законнаго опредѣленія разнородныхъ человѣческихъ отношеній, о нравственной связи людей между собою и государствомъ, о справедливости, отвѣтственности и т. д. и т. д. Но всѣ эти предположенія имѣютъ въ этихъ наукахъ характеръ догматическій, ибо не разбираются ими самими; специалистъ доходитъ до этихъ предположеній, независимо отъ своихъ специальныхъ изслѣдованій или путемъ непосредственной интуиціи, или-же путемъ *философскаго* размышленія.

13. Все до сихъ поръ сказанное нами относительно предмета специальныхъ наукъ касается и *метода* ихъ изслѣдованій.

Спеціальныя науки разбираютъ лишь методологическіе приемы своихъ специальныхъ изслѣдованій, но всѣ общіе вопросы о методахъ и вообще о познаніи не изучаются специальными науками, а принимаются ими въ видѣ догматическихъ предположеній. Специалисты не спрашиваютъ, какое значеніе имѣютъ напр. наши чувства для истиннаго и правильнаго познанія вещей; они пользуются чувствами непосредственно, безъ подобныхъ критическихъ вопросовъ. Равнымъ образомъ специалисты безпрестанно пользуются *представленіями* и *понятіями*, *сужденіями* и *умозаключеніями*, но они не спрашиваютъ ни о достовѣрности подобныхъ умствен-

ныхъ произведеній, ни о законахъ, которые должны быть соблюдаемы для того, чтобы они могли быть признаны несомнѣнными и вѣрными. Наконецъ спеціалисты пользуются то дедукціею, то индукціею, то синтезомъ, то анализомъ, то силлогизмомъ, то аналогіею, и многими другими методологическими приѣмами; но у многихъ-ли изъ спеціалистовъ совершаются всѣ эти умственные процессы съ надлежащимъ сознаніемъ, на основаніи самостоятельной критической оцѣнки разнородныхъ началъ этихъ процессовъ? Всѣ эти умственные процессы совершаются обыкновенно спеціалистами эмпирически и догматически, т. е. на основаніи такъ называемаго здраваго смысла и съ вѣрою, что сей послѣдній и безъ критическаго руководства доводитъ до познанія истины.

Мы не беремся разсматривать здѣсь, на сколько подобная догматическая вѣра умѣстна, на сколько она составляетъ даже основаніе самаго философствованія; скажемъ лишь только, что истинная критическая самостоятельность требуетъ необходимо разбора всѣхъ процессовъ познанія, слѣдовательно и процессовъ такъ называемаго здраваго смысла, и что безусловная вѣра въ него, свойственная такъ часто спеціалистамъ, противорѣчитъ основнымъ началамъ критики, которая не можетъ существовать безъ изученія законовъ мышленія и методовъ познанія, ибо сіи послѣдніе служатъ именно главнымъ критеріумомъ для оцѣнки правильности и достовѣрности разнородныхъ понятій, воззрѣній и теорій.

14. Однимъ словомъ, изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что каждая спеціальная наука основывается на разнородныхъ предположеніяхъ, касающихся какъ ея предмета такъ и метода ея изслѣдованія. Эти предположенія не подвергаются разбору и критикѣ самими спеціальными науками, но принимаются ими въ готовой традиціональной формѣ, безъ всякаго предварительнаго анализа, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія въ истинѣ ихъ содержанія. Въ этомъ-то именно и состоитъ *догматическій* характеръ всѣхъ безъ исключенія спеціальныхъ наукъ.

Мы, естественно, не можемъ здѣсь спеціально разобрать и подробно объяснить этого догматическаго характера спеціальныхъ наукъ; но въ дополненіе къ вышеприведеннымъ доказательствамъ скажемъ только еще то, что было-бы очень полезно, еслибы каждая изъ спеціальныхъ наукъ дала себѣ ясный отчетъ во всѣхъ своихъ дог-

матическихъ предположеніяхъ; не для того, чтобы критиковать онѣя,—это какъ мы видѣли лежитъ уже за предѣлами спеціальныхъ наукъ—но для того, чтобы ясно узнать, *какія* именно предположенія допускаются каждою спеціальною наукою? и какими приѣмами слѣдуетъ ограничить число этихъ догматовъ?

Очевидно, что чѣмъ болѣе догматическихъ предположеній допускаетъ какая-либо наука, тѣмъ она менѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ критики и вообще научности. Потому каждая наука должна стремиться къ тому, чтобы все болѣе и болѣе ограничить число своихъ догматическихъ предположеній. Въ этомъ ограниченіи состоитъ самый главный прогрессъ спеціальныхъ наукъ, прогрессъ истинно-научный и критическій, прогрессъ болѣе важный въ критическомъ и строго-научномъ отношеніяхъ, чѣмъ тотъ, который совершается въ наукахъ вслѣдствіе новыхъ открытій и изслѣдованій, расширяющихъ ихъ предѣлы и обогащающихъ умъ новыми матеріалами и эмпирическими знаніями.

Если же мы спросимъ: какимъ именно образомъ спеціальныя науки должны стремиться къ ограниченію своихъ догматическихъ предположеній? то на это можно дать очень простой и опредѣленный отвѣтъ. Ограниченіе догматическаго характера спеціальныхъ наукъ состоитъ въ томъ, чтобы каждая изъ нихъ не допускала болѣе догматическихъ предположеній, какъ на сколько необходимо для ея спеціальныхъ изслѣдованій, т. е. чтобы она признавала лишь такіе догматы, безъ содѣйствія которыхъ она не могла бы заняться своими спеціальными изслѣдованіями. Всѣ же догматическія предположенія, которыя не имѣютъ непосредственной связи со спеціальностью данной науки и не составляютъ необходимаго основанія ея, должны быть совершенно исключены изъ спеціальныхъ наукъ, потому что составляютъ излишній догматическій элементъ, который лишь ограничиваетъ критическое развитіе данной науки.

Такъ напр. для *богословія* необходимы догматическія предположенія о существованіи Бога и Его откровенія, равно о нравственной связи челоука съ Богомъ; всѣ же другія предположенія, не имѣющія непосредственной связи со спеціальнымъ предметомъ богословія оказывались всегда вредными для развитія его самаго. Таковы напр. были въ средніе вѣка богословскія предположенія относительно устройства и законовъ природы, на основаніи которыхъ

многіе богословы, переносясь въ предѣлы естествознанія, такъ часто предписывали сему послѣднему, какъ оно должно смотрѣть то на природу вообще, то на солнечную систему и на другіе спеціальныя предметы естествознанія, не имѣющіе непосредственной связи съ предметомъ богословія. Подобное расширеніе догматическихъ предположеній богословія на поприщѣ естествознанія имѣло слѣдствіемъ упадокъ самаго богословія, которое не было въ состояніи уничтожить несомнѣнныхъ доказательствъ естественныхъ наукъ. Иныхъ послѣдствій нельзя и ожидать отъ совершенно неумѣстнаго и напраснаго расширенія догматическихъ предположеній богословія и на другія науки.

Но не одно богословіе, вмѣсто постепеннаго ограниченія, увеличиваетъ очень часто число своихъ догматическихъ предположеній; подобное же явленіе мы встрѣчаемъ не рѣдко и въ другихъ спеціальныхъ наукахъ. Такъ напр. естественныя науки очень часто не довольствуются необходимыми для своего спеціальнаго развитія догматами, а принимаютъ нерѣдко и такіе догматы, которые вовсе излишни для самого естествознанія, и безъ всякаго права ограничиваютъ самостоятельность другихъ наукъ; и естествознаніе входитъ довольно часто въ предѣлы сихъ послѣднихъ и навязываетъ имъ какіе-то совершенно недоказанные и излишніе догматы.

Такимъ догматомъ на пр. является идея о *необходимости*, господствующей будто-бы въ природѣ и исключющей будто-бы какъ идею о разумномъ и самостоятельно дѣйствующемъ началѣ вселенной такъ и идею о свободной волѣ человѣка. Многіе естествоиспытатели считаютъ догматъ о необходимости тѣсно связаннымъ съ самимъ естествознаніемъ и полагаютъ, что сіе послѣднее не можетъ существовать безъ этого догмата. Между тѣмъ это лишь одно недоразумѣніе. Естествознаніе само по себѣ требуетъ лишь догмата о существованіи *законовъ* природы и о ихъ *постоянствѣ*; но ни идея о законахъ вообще ни идея о ихъ постоянствѣ не могутъ быть отождествляемы съ идеею о *необходимости*, потому что онѣ сами по себѣ совмѣстны и съ идеею о *свободѣ*. Разумное существо, одаренное свободною волею, можетъ служить само себѣ закономъ, т. е. быть автономическимъ и на основаніи самостоятельнаго постановленія дѣйствовать постоянно по разъ на всегда установленнымъ и принятымъ законамъ. Слѣдовательно, *постоянство* законовъ и

явленій природы, само по себѣ, вовсе не исключаетъ разумнаго и свободнаго начала ея; а ежели многіе естествоиспытатели полагаютъ, что идея о такомъ началѣ, или о Богѣ, противится основаніямъ естествознанія, то это бываетъ лишь вслѣдствіе совершенно неумѣстнаго смѣшенія понятія о постоянствѣ явленій природы съ понятіемъ о необходимости, т. е. вслѣдствіе некритическаго расширения догматическихъ предположеній естествознанія и принятія догмата о необходимости, самого по себѣ не имѣющаго ничего общаго со спеціальными задачами и изслѣдованіями естественныхъ наукъ.

Мы по справедливости порицаемъ богословіе, ежели оно безъ всякой надобности переходитъ въ сферу естественныхъ или другихъ наукъ, и водворяетъ въ нихъ какія либо новыя догматическія предположенія. Какое же право имѣетъ естествознаніе принимать догматы для него самаго излишніе и вводить оныя то въ богословіе, то въ нравственныя науки, оспаривая на пр. ради догмата о необходимости законовъ природы какъ существованіе Бога—предположеніе необходимое для богословія—такъ и свободную волю и отвѣтственность—предположенія необходимыя для всѣхъ нравственныхъ наукъ?

Догматическія предположенія всѣхъ спеціальныхъ наукъ составляютъ одну гармоническую систему, въ которой мы не встрѣтимъ никакихъ противорѣчій, если только каждая изъ нихъ останется въ своихъ предѣлахъ и ограничитъ свои догматическія предположенія до необходимаго минимума. Всѣ противорѣчія спеціальныхъ наукъ между собою истекаютъ главнымъ образомъ изъ неумѣстнаго и некритическаго расширения ихъ догматическихъ предположеній. А такъ какъ при томъ спеціальныя науки не разбираютъ и не критикуютъ своихъ догматовъ, то подобное расширеніе догматическихъ предположеній ведетъ, къ сожалѣнію, очень легко къ жаркой борьбѣ наукъ между собою, которыя напротивъ должны взаимно пополнять другъ друга. Борьба эта, при данныхъ обстоятельствахъ, никогда не окончится честнымъ миромъ, ежели борющіяся стороны не относятся къ безпристрастному посредству философіи, которая, разбирая первоначальныя основанія той и другой стороны, могла бы указать на средства истиннаго и постоянного примиренія.

2. Критическія основанія философіи.

15. Такимъ образомъ, объяснивъ общій характеръ всѣхъ спеціальныхъ наукъ относительно вопроса о ихъ критической самостоятельности, мы должны теперь сравнить съ ними философію. Съ этою цѣлью мы прежде всего спрашиваемъ: отличается-ли философія отъ спеціальныхъ наукъ тѣмъ, что она не допускаетъ никакихъ предположеній? что она ничего не предполагаетъ? есть-ли она, по очень мѣткому нѣмецкому выраженію, *voraussetzungslos*, т. е. собственно говоря, безусловна, абсолютна?

Изъ исторіи философіи, особенно новѣйшей, извѣстно, что и самые философы дали разные отвѣты на этотъ вопросъ. По настоящее время мы встрѣчаемъ по этому предмету два діаметрально противоположные философскіе взгляда. Первый изъ нихъ признаетъ философію наукою безусловною, наукою не дѣлающею никакихъ предположеній, и вслѣдствіе того требуетъ отъ нея, чтобы она развивала свое содержаніе изъ самой себя, изъ самаго философскаго мышленія, не признавая никакого положенія истиннымъ, котораго бы она не выводила изъ этого мышленія и не доказала исключительно при его содѣйствіи. Плодомъ этого взгляда являются философскій раціонализмъ и идеализмъ, начиная съ Декарта и Спинозы и оканчивая Гегелемъ и его школой.

Этому взгляду противоположно ученіе философскаго эмпиризма и позитивизма, развитое въ новѣйшее время Бэкономъ, Локкомъ и ихъ послѣдователями до Конта и Милля. По этому ученію философія должна основываться главнымъ образомъ на опытѣ, на эмпирическихъ наукахъ, результаты которыхъ она обобщаетъ, выводя изъ нихъ извѣстныя общія положенія, законы и принципы. Вслѣдствіе того, по этому взгляду, философія основывается на тѣхъ же самыхъ предположеніяхъ, какъ и всѣ другія науки, и отличается отъ сихъ послѣднихъ лишь тѣмъ, что соединяетъ въ одно цѣлое результаты всѣхъ наукъ, подготавливая этимъ общій взглядъ на доступное человѣку знаніе.

Оба эти взгляда тѣсно связаны съ двумя противоположными методами познанія вообще, съ методами *дедуктивнымъ* и *индуктивнымъ*. Раціонализмъ и идеализмъ, требуя, чтобы философія была наукою безусловною, свободною отъ всякихъ догматическихъ пред-

положеній, ведутъ естественнымъ образомъ къ дедуктивному методу, т. е. къ выводу всѣхъ частныхъ положеній изъ одного общаго, въ мышленіи непосредственно даннаго. Напротивъ, эмпиризмъ и позитивизмъ, основывая все человѣческое знаніе, слѣдовательно и философію, на опытѣ, пользуются индуктивнымъ методомъ, т. е. выводятъ свои общія положенія изъ разбора частныхъ явленій.

Мы не можемъ здѣсь задаваться подробною критикою вышеприведенныхъ взглядовъ; равнымъ образомъ мы не намѣрены при семъ случаѣ изучать вопроса о надлежащемъ методѣ человѣческихъ познаній вообще и философіи въ особенности; для разрѣшенія нашей настоящей задачи довольно указать лишь на слѣдующіе моменты, истекающіе непосредственно изъ самаго послѣдовательнаго развитія понятія о *критикѣ*, служащаго основаніемъ для каждой вообще науки, для каждого научнаго воззрѣнія, будетъ-ли оно наименовано раціональнымъ или эмпирическимъ, идеальнымъ или позитивнымъ. Критику признаютъ всѣ безъ различія серіозные мыслители необходимымъ основаніемъ своихъ взглядовъ; слѣдовательно и ихъ философствованіе, на сколько оно послѣдовательно и критично, не можетъ отказаться отъ всѣхъ тѣхъ требованій, которыя истекаютъ непосредственно изъ самой сущности критики.

Критика-же, по существу своему, требуетъ отъ каждого истиннаго мыслителя: во 1-хъ при познаніи вещей не дѣлать, если возможно, никакихъ догматическихъ предположеній, или по крайней мѣрѣ ограничить число оныхъ до возможнаго для ума человѣческаго минимума; и во 2-хъ давать себѣ ясный отчетъ въ содержаніи своихъ предположеній и подвергать оныя строгому критическому анализу.

Оба эти требованія признаютъ, я думаю, какъ раціоналисты такъ и эмпирики, какъ идеалисты такъ и позитивисты. Правда, что взглядъ ихъ на эти требованія, равно какъ на способъ ихъ осуществленія, можетъ быть различенъ; но эти требованія сами по себѣ не могутъ быть ими отвергнуты, если критика и истина для нихъ важнѣе, чѣмъ частные интересы той или другой философской школы.

Въ этихъ-то вышеприведенныхъ двухъ моментахъ состоитъ именно отличительный характеръ *философской* критики въ сравненіи съ критикою специальныхъ наукъ; въ этихъ моментахъ обнару-

живается главнымъ образомъ самостоятельность философскаго мышленія въ отличіе отъ всѣхъ другихъ нефилософскихъ разсужденій.

И такъ, спеціальныя науки не только не стремятся устранить, если возможно, всѣ догматическія предположенія, но онѣ даже и не ограничиваютъ числа этихъ предположеній до возможнаго для ума человѣческаго минимума; ибо, какъ мы видѣли, ихъ спеціальность требуетъ отъ нихъ принять разныя догматическія предположенія, которыя однако сами по себѣ не имѣютъ еще непосредственно обязательной силы для ума человѣческаго и могутъ быть подвергнуты имъ сомнѣнію,—какъ напр. идея о Богѣ, по ученію того или другаго богословія; идея о природѣ въ смыслѣ естественныхъ наукъ, идея о развитіи и прогрессѣ человѣчества въ историческомъ смыслѣ и т. д. Между тѣмъ философія, по существу своему, стремится не дѣлать, при познаніи вещей, никакихъ догматическихъ предположеній; а если это оказывается невозможнымъ, то она ограничиваетъ эти предположенія до минимума, принимая въ основаніе своихъ изслѣдованій лишь только то, что умъ человѣческій признаетъ необходимымъ условіемъ для правильнаго развитія самаго процесса познанія.

Далѣе, спеціальныя науки, какъ мы видѣли, не критикуютъ своихъ догматическихъ предположеній; между тѣмъ философія, уже вслѣдствіе своего стремленія устранить, если возможно, всѣ догматическія предположенія и замѣнить оныя критическимъ знаніемъ, признаетъ лишь такія предположенія истинными, которыя были ею критически разработаны и которыхъ содержаніе оказалось несомнѣннымъ, неоспоримымъ и достовѣрнымъ.

Желая вполне объяснить эти характеристическія черты философской критики, мы разберемъ болѣе подробно каждый изъ вышеприведенныхъ ея моментовъ.

16. Философія, прежде всего, какъ мы сказали, избѣгаетъ, при познаніи вещей всѣхъ догматическихъ предположеній, или по крайней мѣрѣ ограничиваетъ число ихъ до возможнаго для ума человѣческаго минимума.

Но въ чемъ-же обнаруживается это основное критическое стремленіе всякой истинной философіи? Главнымъ образомъ въ надлежащемъ примѣненіи и употребленіи начала *сомнѣнія*.